

и Трапезундская десантные операции, проведенные в 1916 г., показали высокую эффективность высадочных средств специальной постройки и целесообразность формирования специальных десантных соединений, таких как Транспортная флотилия. Однако десантная операция в Босфор для захвата проливной зоны — эта заветная мечта, которую вынашивала Россия на протяжении почти двух столетий, так и не была осуществлена.

³² А. А. Хоменко — вице-адмирал (за отличие, 1916 г.), участник русско-японской войны, начальник Транспортной флотилии Черноморского флота с 1914 г. Командир минного крейсера «Абрек» (1905—1906 гг.), учебного судна «Рында» (1906—1911 гг.). Капитан над Кронштадтским портом (1911—1914 гг.).

³³ Для оказания помощи Сербии, не имевшей общих границ с союзниками, в августе 1914 г. было создано специальное соединение кораблей на Дунае — Экспедиция особого назначения (ЭОН) под командованием капитана 1-го ранга Веселкина, которому предоставлялись права «отдельно командующего флагама». В состав ЭОН входили: инженерный отряд, отряды заграждений Дуная, защиты Железных Ворот, транспортных судов, боевых кораблей и различные вспомогательные береговые части. На ЭОН возлагалась задача снабжения оружием и боеприпасами сербской армии и борьба с судами австро-венгерской Дунайской флотилии с целью не допустить их к устью Дуная. В Сербию был отправлен также отряд из 106 матросов Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта Волковицкого. В августе 1914 г. ими были установлены на берегу Дуная торпедные аппараты для борьбы с австро-венгерскими судами, а также минное заграждение. 23 октября 1914 г. на русских минах подорвался австрийский монитор «Темеш» под флагом командующего Дунайской флотилией. Первый караван судов с грузами для Сербии вышел 14 октября 1914 г. по маршруту Рени — Прахово и 23 октября благополучно прибыл к месту назначения. До конца 1914 г. было отправлено пять таких караванов. Оказанная Россией помощь дала возможность Сербии с успехом выдержать наступление превосходящих по численности и вооружению австро-венгерских войск, а в ряде пунктов заставить их отойти.

³⁴ 27 июля 1914 г. в Петрограде была пышно отпразднована 200-летняя годовщина Гангутского сражения. Линейный корабль «Гангут» был четвертым кораблем русского флота, носившим название в честь этой победы. В параде кораблей на Неве в честь этого праздника ему уделялось особое внимание, к тому же его должен был осматривать Николай II, но готовность корабля к этому времени была недостаточно высокой, поэтому для ускорения работ на «Гангут» перебросили часть рабочих с других кораблей («Севастополя», «Полтавы», «Петропавловска»). После парада его вновь поставили «в свою очередь», и первым был сдан флоту линейный корабль «Севастополь», который закончил приемные испытания в конце сентября 1914 г.

³⁵ Имеются в виду линейные крейсера «Измаил», «Кинбурн», «Бородино» и «Наварин», которые строились на Балтийском и Адмиралтейском заводах. Из-за острого дефицита металла и рабочей силы в условиях военного времени их строительство пришлось прекратить, тем более что судьба войны решалась на сухопутных фронтах. После революции не достраивались.

³⁶ Неоднократные сетования морского министра на отставание Путиловского завода в строительстве кораблей не имеют достаточно веских объективных оснований. Путиловский завод по своему профилю был предприятием общего машиностроения, и судостроение никогда не являлось его основной отраслью. Созданное Обществом Путиловских заводов новое судостроительное предприятие — Путиловская верфь была в основном закончена постройкой только в конце 1913 г. и, естественно, не могла сразу набрать нужных темпов строительства кораблей. По-видимому, здесь сказывается личное неприязненное отношение к руководству завода и верфи.

³⁷ В 1914 г. на Черном море были спущены на воду эскадренные миноносцы «Быстрый» и «Пылкий» (Металлического завода), «Дерзкий» и «Пронзительный» (завода «Наваль»), «Поспешный» (Невского завода) и «Счастливый» (Путиловского завода), а также подводные лодки «Кашалот», «Кит» и «Нарвал» (Невского завода).

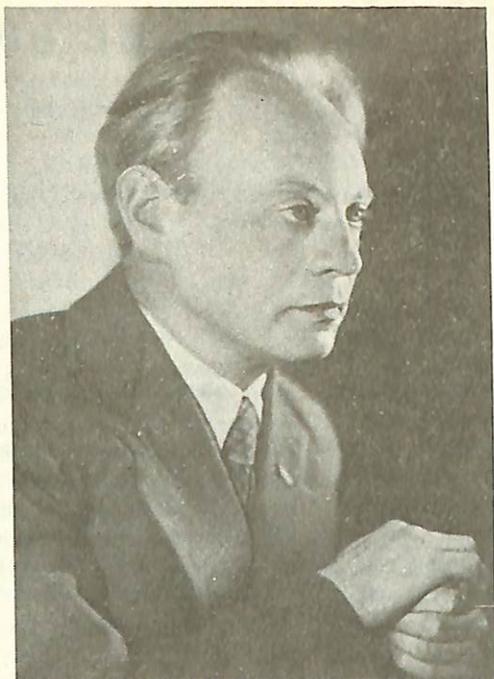
ПОРТРЕТЫ ИСТОРИКОВ НАУКИ

Журнал начинает серию публикаций, посвященных памяти историков науки, работавших в Институте истории естествознания и техники АН СССР.

В созданный в 1945 г. Институт истории естествознания АН СССР пришли специалисты, ставшие впоследствии крупнейшими историками науки. Не попав под молох 30-х годов или случайно избежав трагических последствий ареста, как это случилось с П. М. Лукьяновым, они сохранили традиции той высокой культуры, к которой приобщились, обучаясь в Московском и Петербургском университетах, где получили прекрасное образование еще до революции или вскоре после нее. Эти ученые создали немало фундаментальных исследований, высокий уровень которых обеспечил широкое научное признание их авторов.

Райков Борис Евгеньевич (1880—1966) — профессор, доктор педагогических наук, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, один из крупнейших советских специалистов в области истории отечественной биологии. Наиболее известны его «Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России» и «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина».

Соболь Самуил Львович (1893—1960) — профессор, доктор биологических наук, крупный специалист по истории биологии, в частности по истории эволюционного учения, истории микроскопа и микроскопии. По инициативе С. Л. Соболя при Институте был создан музей с уникальной коллекцией микроскопов. Ныне эта коллекция находится в Политехническом музее.

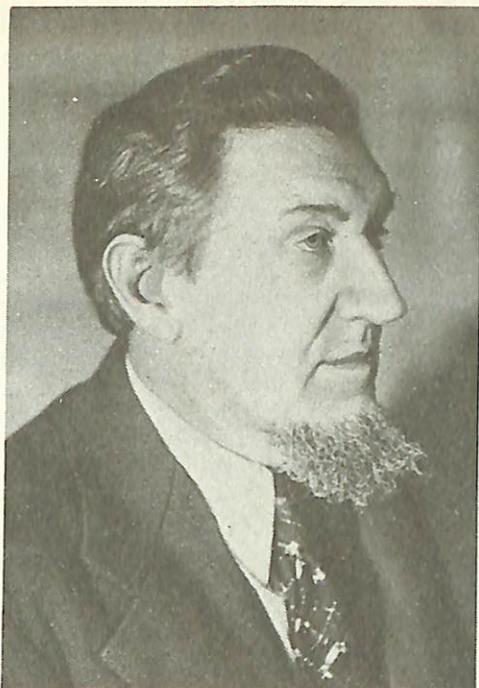
Давиташвили Лео Шиевич (1895—1977) — профессор, доктор геолого-минералогических наук, действительный член Грузинской АН ССР. Широко известен как исследователь современных проблем палеонтологии, как историк палеонтологии и как автор учебных пособий по палеонтологии.

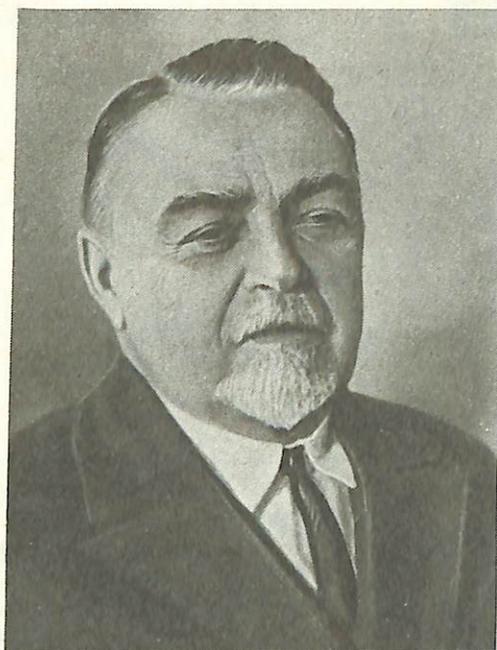
Зубов Василий Павлович (1899—1963) — профессор, доктор искусствоведческих наук, действительный член Международной Академии историков науки. Специалист в области всеобщей истории культуры и истории отечественного естествознания, в совершенстве владевший шестью иностранными языками. Ему принадлежат капитальные труды, посвященные творчеству выдающихся деятелей эпохи Возрождения: Л.-Б. Альберти, Д. Барбаро, Л. да Винчи и др., а его фундаментальная работа «Историография естественных наук в России (XVIII век — первая половина XIX века)» (1956) не потеряла своего значения и теперь. За вклад в изучение истории науки Американским обществом историков науки Зубову В. П. была присуждена медаль Дж. Сартона.

Фигуровский Николай Александрович (1901—1986) — профессор, доктор химических наук. Работал в Институте с 1947 г. С 1956 по 1962 гг. директор ИИЕТ АН СССР. Специалист в области истории химии, автор целого ряда исследований и изобретений в области физической химии дисперсных систем, книг по истории химии дисперсных материалов. Награжден золотой медалью Итальянского химического общества в память столетия «закона атомов» С. Канницаро. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Лукьянов Павел Митрофанович (1889—1975) — профессор, доктор технических наук, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Им были написаны фундаментальные монографии по истории химии и химической технологии.

Шателен Михаил Андреевич (1866—1957) — член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда. Участвовал в составлении плана ГОЭЛРО. Хорошо известны его труды по электротехнике, светотехнике, метрологии, истории техники.

Редакция благодарит младшего научного сотрудника ИИЕТ АН СССР О. В. Севастьянову за предоставленные фотоматериалы из фонда иконотеки Института.

К. И. ШИЛИН

ЖИВОЕ ЗНАНИЕ КАК КОНТЕКСТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Человечеству — конец? Наука и техника, считавшиеся могучими двигателями прогресса, — не основные ли средства экологического самоубийства? Превращения биосферы в технонекросферу? В чем выход? Какой должна быть экологическая перестройка науки, особенно естествознания и техники, их истории? И с чего же все это грехопадение началось? Ведь вроде бы науку и технику творили в общем-то честные и подлинно талантливые люди. И тем не менее идущая катастрофа — вызывающий ужас, несомненный факт, и наука и техника имеют к этому, увы, самое непосредственное отношение.

Живое знание [1—3] берется в данной работе как некий фон и основание, пусть и неявно определяющие глубинное содержание естествознания и техники (ЕТ), как и всякого творчества. В эмпирическом плане под живым знанием имеется в виду то, что характерно для Востока, искусства, детей, религии.

Главное, что отличает живое знание от знания предметно-расчлененного, характерного для естествознания и техники и их истории, — это **структура**. В одном случае она подобна структуре живого существа, биообщения, любовно-дружественного, человеческого общения... Во втором — структуре отношений между неживыми предметами и антагонистическими классами (см. [2, 3, 5—7]).

Против того, что научно-техническое знание должно быть живым, мало кто будет возражать: все хотят жить. Но ведь ЕТ — еще и социальный институт. Со всеми его ограничениями. А они-то и реализуются в структуре имеющегося, предметно-расчлененного знания.

Изначально, естественно, все было живым или ему уподоблялось. Преднаучное знание и с ним связанная предтехника тоже были живыми и живому уподобляемыми. Они были средствами «вписывания» человека в мир живой природы, прекрасной, гармоничной, мудрой и могучей.

Главное отличие структур живого и предметно-неживого знания в том, что первое построено на субъект-субъектном общении, а второе — на субъект-объектном, или предметно-деятельном, отношении, когда объект, или предмет (в данном случае их различием можно пренебречь), — это то относительно пассивное, на что направлена активность субъекта. В конечном счете — субъекта управления как одностороннего воздействия, имеющего целью интересы правящей элиты, а лишь потом и в незначительной мере — интересы масс. В этом смысле естественнонаучная картина мира — это картина управляемого мира, «подогнанного» к его функции быть управляемым. А естествознание и техника (вместе с экономикой) — основные средства управления-манипулирования обществом и природой, предметно-иерархическим образом структурированные. Это значит, что существующая предметно-ориентированная структура науки и техники идеологична, обусловлена интересами элиты, а уж потом — познания. Итак, структура ЕТ двойственна: биоподобна и идеологична (в худшем смысле).

Но наиболее удобное средство управления-манипулирования людьми — не сам человек и не живое существо, а неживой предмет: предметы потребления, товары, деньги, предметно-неживое знание, техника. Поэтому расширение сферы ЕТ — это расширение зоны смерти. В этом смысле